

Ксения ДРАГУНСКАЯ Сыроежки. Кораблекрушение

Продолжение. Начало см. "ЭС" № 8-9

Человек сидел на толстом еловом бревне и, увидев Аню, поднялся к ней навстречу. Улыбается.

- Привет!
- Привет...
- Ты что такая? Что стряслось?
- Да ничего...

Человек видит, что Аня смотрит ему за спину. Оборачивается. Там стоит Амаранта и говорит:

- Руки!
- Что?
- Руки за спину.

— Извини, я не расслышал, — говорит человек и послушно убирает руки за спину.

Амаранта связывает ему руки.

— Девчонки, вы чего? — человек смотрит на Аню. Аня не смотрит на него.

— Становись на колени, — приказывает Амаранта.

— Что стряслось-то?

— На колени становись.

Человек опускается на колени. Амаранта достает из рюкзака внушительный нож.

— Думаешь, с нами так можно? Думаешь, тебе за это ничего не будет? Зачем ты так? Зачем ты у нее про меня выспрашивал, а у меня — про нее? Шутил, что ли? Смеялся над нами, да? Думаешь, тебе за это ничего не будет? А вот это видел? Мы тебя сейчас убьем и в землю закопаем, понял? Проси прощения.

— Простите меня, пожалуйста, — говорит человек. — Я виноват. Просто я хотел, чтобы никто не обижался, я боялся, что вы ссоритесь начнете, ревновать будете...

— Ты нам тут лапшу на уши не вешай. "Простите, пожалуйста"... Мы сейчас тебя убьем, не понял, что ли?

— Понял.

— Проси пощады, ясно? Ползи и целуй нам ноги.

Девочки отходят подальше и разубаиваются. Мох и босые ступни. Человек передвигается на коленях по мху, его руки связаны сзади.

— Давай подойдем поближе, чтобы ему удобнее было ползти.

Амаранта молча показывает фигу и стоит, скрестив руки на груди.

Человек приближается и смотрит на них снизу вверх.

— Пошадите, — говорит человек.

— Давай пошадим? — просит Анна.

— Пусть ноги целует, — хмурится Амаранта.

Человек прилаживается, устраивается так и этак, в конце концов ложится на землю и принимается целовать их ноги.

Девочки хихикают и переминаются с ноги на ногу — щекотно. Человек прилежно целует ступни и пальцы, лодыжки и круглые косточки. Девочки умолкают. И в лесу тихо. Человек долго целует ноги Амаранты и Ани.

Перестав целовать, человек смотрит вверх, на небо между деревьями. Бледное лицо и рыжая сосновая хвоя в бороде.

Человек поднимается на ноги и легко, одним движением плеч, освобождает связанные руки. Неспеша уходит, удаляется.

— А еще поцелуй, — странным, осипшим голосом просит Амаранта. И Аня тоже: — Поцелуй, пожалуйста...

Человек не отвечает — уходит, не слышит. Или обиделся? Быстро темнеет в лесу.

Девчонки срываются с места, спешат за ним, зовут, догоняют, заглядывают в лицо.

— Обуйтесь, девочки, сыро, — устало и безразлично говорит человек, через плечо, не глядя на них, и они пугаются — какой он вдруг стал сутулый и старый, и лицо такое худое и грустное. Пугаются, что они сильно обидели его, и он больше никогда не будет рассказывать им истории, не пустит в дом, полный чудес.

Девчонки начинают ругаться, чуть ли не драться:

- Это все ты, вечно из-за тебя...
- Нет, это ты!
- Дура!
- Сама дура чертова тупая...
- Обзываясь и бранясь, они бегут за ним.
- Ну подожди, ну пожалуйста, ну куда ты? Ну извини, ну прости, пожалуйста...
- Человек останавливается, и они льнут к нему, а он обеими руками обеих обнимает:
- Эх вы, сыроежки...
- Начинает накрапывать дождь.

Дома у человека Аня и Амаранта сидят за красиво накрытым столом. Ужинают. Человек торжественно обносит их кушаньями и объясняет, как их следует есть.

— Как же тебя по-настоящему зовут? —

спрашивает он Амаранту.

— Так и зовут. Амаранта. Это из сериала. Когда я родилась, сериал показывали, "Дикая роза", вот меня и называли. А что? Нормально.

— Как же тебя крестили?

— А меня и не крестил никто. Тетка не да-ла.

— Что за тетка?

— Моя родная тетка. Николаевна. Она в тюрьму по малолетке попала — ларек с пацанами грабанула. Нахлебалась там. Говорит, Бога нет, если такое на свете творится.

Человек грустно усмехнулся. И тут же спросил деловито:

- У вас когда дни рождения?
- Подарки дарить будешь?
- Можно и подарки. Говорите, когда.
- У меня двадцать восьмого января.
- А у меня — шестого октября.
- Гениально! — обрадовался человек. — Как мне с вами повезло! Вы не против, если на убывающую луну я вас немножко подстригу?

— Мне дома бошку оторвут, — сообщила Амаранта.

— И мне.

— Я чуть-чуть, — попросил человек. — Это очень важно. Состриженные на убывающую луну волосы девочек двенадцати лет, родившихся под воздушными знаками, необходимы синим птицам. Для гнезд.

— Совсем, что ли? — спросила Амаранта.

— Синих птиц не бывает, — сказала Аня.

— Бывают, — возразил человек. — Конечно,

они не совсем синие, а такие... С зеленовато-лиловым отливом. Но называются синими. Сейчас их почти не осталось. Но они есть.

Просто если им в гнезда добавлять ваши волосы, им будет лучше. Вы можете спасти синих птиц.

— Умора, — сказала Амаранта, веселясь от души.

— А ты откуда это знаешь? — спросила Аня.

— Секрет гнездоплетения почти утрачен, — посетовал человек. — Но мне рассказал об этом один старик-птицелов в Коста-Рике.

— Гнездоплетение! — веселилась Амаранта.

— А зачем у тебя бусы? Типа — шняга? Типа — ты молодой?

— Бусы у меня типа бусы, — сказал человек.

— А ношу я их, чтобы при мне всегда были. Бусы эти простые...

— Ну да?

— Расскажи! — попросила Аня.

— Они помочь могут. С ними спастись можно. Но только в самом крайнем случае.

— А когда будет крайний случай? — жадно спросила Амаранта.

— Да лучше бы никогда...

Нагрузившись рейками и досками, человек медленно едет на велосипеде по поселку.

Анина мама наблюдает за ним в бинокль с балкона.

— Не может быть, — шепчет она. — Нет, нет... Показалось, конечно...

Аня, Амаранта и человек выходят на поиски маяка. В резиновых сапогах, кепках, с рюкзаками. Идут берегом маленькой речки

по рыжему песку, потом по траве.

Жарко.

Они купаются. Украдкой девочки поглядывают, какой серьезный шрам у человека на животе.

Искупавшись, переходят шаткий мостик, входят в лес. Бродят по лесу.

Устраивают привал — едят огурцы с солью и пьют воду.

Дальше идут. Амаранта стирает ногу, и человек бережно оборачивает ее пятку подошником. Углубляются в чашу. Смотрят в глубокий овраг.

На обратной дороге человек несет на руках увесистую Амаранту. Аня прыгает по кочкам, как воробей.

Дома у человека девочки переоделись. Пили чай.

— Может, в книгах неправильно написано? — рассуждал человек. — Нет, не может быть. Я в двух книгах читал про этот маяк. В "Истории кораблекрушений" и в "Описании ушедших морей". Этот маяк упомянут. И широта совпадает, и долгота. За "Описаниями" я вообще по всему свету гонялся. В Портленде нашел, да не у букиниста, а у пьянчуги какого-то на блошином рынке. Насилу со старо-фламандского перевел...

— Не надоело? — спросила Амаранта.

— Переводить? — не понял человек.

— Врать не надоело? То принцы какие-то, то синие птицы, то маяк... Что мы тебе, грудные?

— Да, — сказала Аня. — Ходим, ищем, а его все нет. Его вообще что ли нет, да?

— Маяк есть, — сказал человек. — Только его найти трудно. Я предупреждал.

— Ага, — кивнула Амаранта. — Стоит, нас ждет.

— Маяк есть, — повторил человек.

— А шпага, которую король подарил? А принц и принцесса?

— Есть, — сказал человек. — Честное слово.

— Спорим, врешь? — Амаранта подмигнула.

— Я дал вам честное слово, — серьезно сказал человек. — Впрочем, если хотите, давайте спорить.

— На что?

— На желание, — серьезно сказал человек.

— Если вы проигрываете, то делаете, что я скажу.

— Круто! — согласилась Амаранта.

— Пойдемте наверх, — сказал человек.

Он открыл дверь чердака. На чердаке — сломанное кресло с ручками в виде львиных голов, мутное зеркало, прочее старье и железный кофр с цифровым замком.

Человек открыл замок и бережно вынул из кофра длинный бархатный футляр. Открыл. Обомлевшие девочки смотрели на шпагу в ножнах, усыпанных драгоценными камнями.

Человек вынул шпагу из ножен. На клинке — длинная надпись непонятными буквами.

Заперев кофр и чердак, человек мотнул головой в сторону комнаты с письменным столом. На столе — большой фотографический портрет. В парадном зале с причудливым гербом на стене стоят красиво наряженные негритянские мальчик и девочка в маленьких коронах, с родителями и человеком. Все улыбаются.

Человек пошел по лестнице вниз. Девчонки поплелись за ним.

— Ладно, — обиженно сказала Амаранта. — Продули, так продули. Говори свое желание.

— Раздевайтесь, — негромко приказал человек.

— Совсем, что ли? — девчонки захихикали и тут же умолкли испуганно.

— Раздевайтесь и на стол, — велел человек.

— Там же чай с кексом...

— Спор, барышни, дело серьезное, — сказал человек.

— Не буду я! — заартачилась Амаранта.

Человек скудно пожал плечами. Он смотрел, как чужой. Чужими глазами. А потом от-вернулся.

Аня полезла на стол. За ней и Амаранта. Аня — в бриджах, Амаранта — в тесной мини-юбке. Трудно раздеваться на столе, между чашками. Тишина, чашки звенят.

Аня уже испачкала бриджи вареньем. Амаранта с трудом вылезает из юбки.

— Амаранта! — позвал человек, и она вздрогнула. — Я обещал тебе, что бородавки пройдут?

— Да, — пискнула она.

— Разве я обманул? Я думал, вы мои друзья, а вы меня вруном считаете. Ведь я дал вам честное слово. По вашему, честное слово это так, присказка? У каждого человека, особенно если это мужчина, должно быть честное слово. Без него человек не человек и мужчи-на не мужчина. Запомните это, жалкие мар-тышки. Хватайте свое шмотье и убирайтесь вон. Побейте!

И стоял, отвернувшись к окну, скрестив

руки на груди, пока Аня и Амаранта одева-
лись и слезали со стола.

Аня в своей комнате. Лежит на кровати,
отвернувшись к стене. Водит пальцем по
обоям — туда-сюда.

Мама заглядывает в комнату.
— У тебя, случайно, не температура?
— Нет...

Мама садится на кровать, трогает Анин
лоб. Начинает говорить веселым, добрым го-
лосом.

— Хочешь, на озеро смотаемся? Поплава-
ем.

— Да нет...

— Тогда давай пироги печь? Позовем кого-
нибудь?

Аня ведет плечом.

— А знаешь, тут вчера баба Оля кроликов
предлагала. Возьмем одного, а? Они милые.
Такие пушистенькие-пушистенькие.

— Не хочется что-то, мама...

Мама уходит. Аня встает и подходит к окну,
смотрит в сад со второго этажа. Серое утро.
Собираясь отойти от окна, Аня замечает цве-
ток колокольчик на карнизе. Аня смотрит
вниз. Смотрит вверх — на небо.

Хочется на озеро, печь пироги, звать гос-
тей, взять себе всех кроликов на свете.

Человек в саду чинит старую лодку и вроде
не замечает, что девочка вошла в сад, стоит в
стороне, смотрит на него. Человек молотком
стучит. Когда перестат, Аня просит:

— Подстриги меня, пожалуйста.

— Зачем? — спрашивает человек не глядя на
нее, сквозь зубы, потому что гвозди в зубах.

— Чтобы птицам, которые синие, чтобы
гнезда...

— Синих птиц не бывает.

— Бывают, — говорит Аня. — Точно, быва-
ют. Просто... Взрослые часто врут, если им от
этого польза. А ты — нет.

Человек примеряет к лодке свежеструган-
ную желтую досточку, отмечает простым кар-
андашом.

— Это ты ночью колокольчик мне на окно
положил? Ты, ты... Я еще думаю — как же это
до второго этажа добраться можно? Значит,
точно ты. Ты все можешь.

— Я вас не понимаю, — говорит человек. —
Какое окно, какой колокольчик? С какой
статии я, взрослый человек, буду скакать по
ночам, в окна лазить...

Человек говорит серьезно, даже хмурится,
а глаза — смеются, сияют.

Аня бросается к человеку, обнимает изо
всех сил. И он ее обнимает.

— Ты прощаешь? Не сердись больше? —
радуется Аня.

— Я хотел, было, подольше обижаться, но
так соскучился, что решил мириться скорей.

Мама Ани перебирает альбомы и рассу-
павшиеся фотографии. Находит одну.

На фотографии — венчание. Человек — со-
всем молодой, борода поменьше, и девушка в
белом платье и фате — стоят с витыми вен-
чальными свечами в руках. Над человеком
держит венец, вытянув руку, невысокий юно-
ша. Над девушкой держит венец Анина мама
в белом платочке.

Мама молча, с ужасом смотрит на фотогра-
фию.

— Что-то невероятное, — бормочет она. —
Потрясающе...

В пустой белой комнате с зеленой карти-
ной на стене стоит Аня, закутанная с ног до
головы в ткань с птицами и цветами. Человек
раскладывает на подоконнике ножницы и расче-
ски. Расчесывает анины волосы. Смот-
рит на картину и говорит:

— Вот, Еленушка, ты уж присматривай, хо-
рошо ли я Анну стригу.

Анины волосы падают на подстеленную
материю. Аня прямо, неотрывно, даже въз-
скаательно смотрит на картину, словно требуя
ответа на важный вопрос.

Смотрит, не мигая. Солнечный луч касает-
ся картины.

И вот из зеленоватого сумрака на миг про-
глядывает лицо девушки с венчальной фото-
графии. Она ласково улыбается Ане и исче-
зает снова.

Аня — стриженная, изменившаяся, слов-
но мигом ставшая взрослей, выше и тоньше,
— стоит на кухне. Мама говорит речь. Толя-
тормоз листает журнал в углу.

— Я знаю, кто тебя стриг. Я все знаю. За-
помни, Аня. Это ужасный человек. Если ты
будешь продолжать общаться с ним, то я не
знаю... Пеняй на себя. Пеняй на себя, Аня.

Журнал и сцена —

Это говорит тебе — твоя мама, твой самый
близкий и лучший друг. Не вздумай, Аня.
Ишь, нашла себе приятеля. По лесам они,
видишь ли, разгуливают! Природу наблюда-
ют! Рассказы путешественника слушают! Ни-
чего себе! Упаси тебя Бог. Помнишь тетю Ле-
ну? Мою подругу?

— Пьяницу? Которая у нас на кухне спала?

— Так вот, раньше она была совсем не пья-
ница, а красавица. Да. Это все он виноват.
Он, чтоб ты знала. Из-за него она стала пья-
ницей, сошла с ума и умерла. А ему плевать.
Сам в могилу свел, так еще и на похороны
явился... Все нипочем!

— Нет, ему не плевать. Он ее до сих пор лю-
бит. У него портрет есть, он с портретом раз-
говаривает. Каждое утро здоровается. Он сам
чуть не умер, когда она умерла. Он смерть ис-
кал, на войне был, его ранило сильно, а он
выжил. У него след от раны есть, шрам — вот
здесь, знаешь, страшный какой?

— Где у него шрам?! — задыхнулась мама. —
Где?! Ах ты... — истерическое бешенство. Тор-
моз Толя вдвинулся поглубже в угол. — Вон
отсюда! Марш в свою комнату! Где ключ?! Бу-
дешь сидеть под замком. Под замком... Толь-
ко попробуй выйти! Пошады не жди.

Следующий день. Аня взперти.

Дверь приоткрывается, на пол ставится та-
релка с завтраком и чашка. Дверь закрывает-
ся на ключ. Шаги по лестнице — вниз.

Часы тикают.

Аня смотрит на часы и дергает дверь. Смот-
рит в раскрытое окно. Мечется по комнате.
Опять к окну. Снимает кеды и выбрасывает в
окно. Вскрикивает на подоконник и прыгает.

Стукнувшись о сырую траву, Аня бежит в
лес, в истоптанный перелесок, по раскисшей
от дождя дороге. После дождя туман. На чер-
ном бревне сидит человек, курит. Поднима-
ется Аня навстречу. Аня не может выговорить
ни слова. Дыхание вырывается из нее со сто-
ном.

— Ты что? — пугается он. — Что с тобой?

— Меня заперли, — задыхается Аня. — А я...
боялась... Ты будешь ждать... Уйдешь... Не
встретимся больше...

— Куда я уйду? Как — не встретимся? Что
ты такое говоришь? — удивляется он. — Ни-
куда я не денусь. И ждать буду. Сколько нуж-
но. Я всегда буду ждать тебя.

Аня успокаивается.

— Смотри, гнездо, — человек показывает
вверх.

— Где?

— Да вон.

— Не вижу что-то.

Человек легко берет Аню на руки и подни-
мает. Аня видит гнездо в ветках, близко-
близко, и говорит шепотом:

— Птенцы. Шесть. Спят.

Человек и Аня смотрят друг на друга.

— Давай всегда так ходить? — предлагает
человек. — Ты мне будешь рассказывать, что
ты видишь с высоты. И в волейбол выигры-
вать можно.

Аня смеется.

— С тобой смешно. Мне вообще с тобой
очень здорово.

— И мне с тобой. Как бы я жил, если бы те-
бя не встретил? Ты мой самый любимый че-
ловек на земле, — просто говорит он.

— Значит, когда я вырасту, мы поженимся?

— Боюсь, что нет.

— Но ведь любимые люди обычно женятся
друг на друге.

— Необязательно. Чаше всего они даже
почти совсем не видятся.

— У тебя всегда все грустно.

— Зато честно.

Анина мама с ключом в руках поднимается
по лестнице. Говорит торжественно под дверь-
ью.

— Хорошо, так и быть. Я разрешаю тебе
спуститься на кухню и поужинать. Конечно,
я могла бы этого и не разрешать, но я разре-
шаю. Потому что я твоя мама. Твой самый
лучший друг.

Отпирает дверь и оглядывает пустую ко-
мнату. Выражение строгости и достоинства на
ее лице сменяется полной растерянностью,
обескураженностью. Она подходит к распах-
нутому окну. Долго смотрит в окно.

Доски и стружки, запах смолы. Циркуляр-
ная пила. Человек чинит дом.

Анина мама и Толя-тормоз приходят к не-
му для серьезного разговора. Некоторое вре-
мя взрослые ждут, что человек обратит на них
внимание.

А он не обращает. Занят. Ходит себе с дос-
ками, пилит. Анина мама начинает решитель-
ный наезд. Говорит трагически. Попере-
менно слышны то речи Аниной мамы, то
песни циркулярной пилы.

— Чего вы хотите? Мы готовы на все, толь-

ко верните нам нашего ребенка. Ведь она же
на себя не похожа по вашей милости, просто
зомби какая-то... Что вы с ней сделали? По-
чему она прыгает со второго этажа, чтобы
встретиться с вами?

Толя-тормоз меланхолично и пристально
разглядывает стены дома, доски и гвозди.

Циркулярная пила.

— Бросьте ваши дешевые фокусы, расчи-
танные на маленьких детей. Неудачник!
Жалкий неудачник...

Циркулярная пила.

— Между прочим, нам кое-что про вас из-
вестно. Да. У вас проблемы. Думаете, мы не
знаем, чем вы подрабатывали там, в дальних
странах? Но вам даже это толком не удава-
лось...

— Так это были вы? — вдруг радостно спро-
сил человек. — Ну да, ну да, припоминаю, ка-
фе на площади святого Фомы, там еще наис-
косок такой магазин, дешевые пальто, пото-
му что бракованные, перекособооченные...
Магазин кривых пальто... Ну да, кафе, потом
комната на чердачке. Значит, это были вы...

Анина мама начала падать в обморок. Тор-
моз Толя разглядывал стены. Анина мама
увидела, что никто не обращает внимания на
обморок, и просто села на скамейку.

— Какого черта вы сюда приехали? — с яс-
ной ненавистью спросила она. — Что вам там
не сиделось у ваших принцев и принцесс?
Кстати, в этой стране уже восемь лет как рес-
публика. Вы бы хоть в интернет заглядывали,
прежде чем плести ваши бредни. Было бы
очень мило с вашей стороны, если бы вы ис-
чезли так же внезапно, как и появились. Мы
были бы вам очень признательны.

— В тысяча восемьсот... — мирно и неспеш-
но начал человек и умолк, припоминая, в ка-
ком именно году. Не припомнил и начал за-
ново. — В тысяча восемьсот две звездочки го-
ду, в конце марта, младший сын князя На-
луцкого, своенравный и капризный мальчик,
обидевшись на немца-гувернера, ушел гулять
на озеро. Весной лед хрупок. Надо ли гово-
рить, что строптивый отрок угодил в полы-
ню? И стигнуть бы ему в темной воде, и ры-
дать бы безутешному князю, но, на счастье,
неподалеку сидел в своей лодочке известный
в округе цыган-шорник Михаил Чаглай. Спра-
шивается, зачем цыгану болтаться в лодке,
вместо того чтобы уводить коней, дурачить
обывателей или просто честно шить седла?

Дело в том, что продвигаясь из бессарабских
степей на север, Михаил завис в наших краях,
очаровавшись озером, так как всю жизнь
мечтал о море, стремился к нему, бредил им,
и даже старших своих детей назвал Моря и
Акиян. Все свободное время Михаил проводил
в лодочке на озере, созерцая простор и гладь,
и очень не любил, когда созерцанию мешал
писк утконошей детворы. Михаил вытащил ма-
ленького князя и принес родителям. За спа-
сение барского дитяти умиленный князь по-
жаловал Михе сто рублей серебром. На эти
средства Михаил решил дать старшим детям
приличное русское воспитание. Акиян от-
правился в четырехклассное, а Моря — в
трехклассное женское городское училище.

Акиян, откликнувшись так же и на Акима,
дослужился до начальника железнодорож-
ной станции Львовка, что в пяти верстах от
Епифаньевска. Был членом революционного
кружка. Должен был бросать бомбу в губер-
натора, но цыганская кровь взяла свое — в
день предполагаемого покушения неожидан-
но ушел с табором. Вы Кривой Овражек на
выезде из Епифаньевска знаете? Туда Акиян
бомбу выбросил, чтобы в кармане не меша-
лась. Вот овражек и делался. А раньше гла-
дкое место было. Красавица-певунья Моря,
она же Марина, вышла замуж за владельца
колбасных заводов, купца второй гильдии
Собачатинова. Такова, вкратце, предыстория
известного в окрестностях рода Чаглаевых и
Собачатиновых, в котором было много досто-
йнейших и замечательных людей. Чего
стоит, хотя бы, моя двоюродная прабабушка,
Настасья Акияновна, первая привезшая в
Епифаньевск граммофон? У нее был парк
конки в Туле, но накануне революции она
проиграла его в городки и смело влилась в
ряды неунывающего пролетариата. Ее внук,
мой дядя, академик сельхозакадемии, был
бессменным председателем колхоза-милли-
онера в Орловской области, пока в засухли-
вом и неурожайном семействе втором году
колхозники не зарезали своего председателя,
ошибочно полагая его колдуном. Как вы ви-
дите, постепенно наша родня разбрелась по
стране, покинула родные приозерные места.

Именно поэтому перед войной мой дед, ал-
мирал Чаглаев, купил в поселке Кораблево
деревенский дом под дачу, чтобы хотя бы от-
части потомки Чаглаевых и Собачатиновых
вернулись в родные края. В этом доме про-
шла юность моей матери. К сожалению, пока
я путешествовал, дом осиротел, обветшал. Во
исполнение заветного желания покойной
матушки, я вернулся, чтобы остаться здесь.

Так что — здешний я. И бумаги на дом у меня

в исправности. И никуда я отсюда не пойду.
Уж извините.

— Ну это мы еще посмотрим, цыганское
отродье... — сказала на прощанье Анина ма-
ма.

Тормоз Толя потрогал стену и спросил:
— Это лак или морилка?

Человек, Аня и Амаранта за столом на тер-
расе. Человек чертит карту. Толстая книга
“Полный курс кораблевождения с учетом его
астрономических подробностей” лежит ря-
дом. И другая книга — “История примеча-
тельнейших кораблекрушений, мореходам в
назидание”. Человек говорит про юг и вос-
ток, про ветер и звезды. Про море, ушедшее
прочь, оставившее озеро на память о себе.

— Остается последнее место, где может
стоять маяк, — говорит человек. — Когда я
был маленький, туда проникнуть было не-
возможно, потому что на пути к этому месту
находилась военная часть. Теперь ее нет.

— Она заброшенная, — сказала Аня. —
Раньше часовые стояли с автоматами, а те-
перь все нараспашку.

— Пацаны часто туда лазают.

— И зря, — сказал человек. — Нечего там де-
лать. И мы через эту военную часть не пой-
дем. Мы обогнем ее с востока. Но для этого
надо пройти через плохой лес.

— Какой плохой?

— Страшный, — коротко ответил человек.

— Если боитесь, лучше не идите.

— Да ладно, — махнула рукой бывалая Ама-
ранта. — Когда пойдем? Далеко ведь это...

— Пошли после обеда? Я как раз на скрип-
ке позанимаюсь.

— На рассвете надо, — поправил человек.

— Меня не отпустят.

— Дура, что ли? — Амаранта удивилась. —

Спрашивать собралась? Ты по-тихому...

— Значит, встречаемся у водокачки. Рези-
новые сапоги наденете и свитера тоже. А я
термос с чаем возьму и бутерброды.

Человек возился в саду и в сарае. Увидел,
что мама Ани пришла к нему одна, и пере-
стал возиться. Сел за стол под сосной.

— Ну что? — спросила мама.

И они посмотрели друг на друга. Анина
мама села за стол напротив. Помолчали.
Солнце садилось. Тепло. Где-то за деревьями,
в санатории, начинались танцы, и слышалась
музыка — издали она казалась красивой и
задумчивой.

— Ты меня, конечно, не помнишь, — нача-
ла мама Ани.

— Почему? Помню я тебя прекрасно. Я
всегда все помню, — словно пожаловался че-
ловек.

— Если бы ты знал, до какого края дошла
Елена после твоего исчезновения, — сказала
мама и закурила, морщась — от дыма ли, от
воспоминаний. — До какой нищеты и физи-
ческой, и духовной. Иногда она по два-три
дня жила у меня, и мы даже не разговарива-
ли.

Человек положил руки на стол и щекой на
стол лег, отвернулся. Заскучал.

— И не потому, что она все время или пила,
или бредила. Просто я не могла сдержат
слез, глядя на нее. И когда она уходила, исче-
зала, всегда под утро, на рассвете, в мороз
или летом... Я становилась больна и разбита
на несколько дней.

Помолчали опять.

— Ты понимаешь, что это все ты? — не-
громко, как бы мимоходом, спросила мама.

— Ты знаешь, что с тебя спросится?

Человек не пошевелился.

— Негодяй, — также мимоходом и негром-
ко сказала мама. Встала и забрала пачку сига-
рет со стола. — Будь ты проклят, подонок, —
уходя, сказала она, и нервы не выдержали.

Застонав от ярости, она принялась коло-
тить человека худыми острыми кулаками, та-
сать за волосы, тереть бы за одежду.

Он не противился, не пытался защищать-
ся.

Устав, женщина заплакала, и человек обер-
нулся к ней, глядел безумным, горячим от
слез взглядом.

Плакали вместе, держась друг за друга, об-
нявшись. Долго. Хорошо плакали. Потом
умывались из железного рукомойника. Ани-
на мама пригласила волосы, высморкалась в
платочек и сказала:

— Уезжай отсюда, а?

Человек очень тихо ответил:

— Нет.

Окончание в следующем номере